

КНЯЗЬ ЦЕРТЕЛЕВЪ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ГИРСУ.

Филиппополь, 31 Октября 1878.

Вслѣдствіе распоряженія нашихъ властей о передачѣ кассы и финансоваго управленія въ руки комиссіи ¹⁾ въ городѣ волненіе. Лавки заперты. Собраніе гражданъ протестовало, едва согласилось подчиниться и объявило, что если комиссія смѣнитъ выборныхъ казначеевъ, народъ не признаетъ новыхъ. Къ пріѣзду князя Дондукова готовятся демонстраціи ²⁾.

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ.

О 1812 годѣ ³⁾.

Я провела первые годы своей молодости въ Москвѣ, гдѣ мы тогда постоянно жили, переѣзжая ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ подмосковную (село Иславское, нынѣ принадлежащее г-ну Лорису-Мелцкову), намъ очень любимую, и гдѣ намъ было такъ хорошо, что мы ничего лучшаго желать не могли. Казалось, ничто никогда не смѣнитъ порядка нашей жизни, когда насталъ двѣнадцатый годъ. Я помню печаль моего отца, когда онъ получилъ неожиданное извѣстіе, что Наполеонъ взшелъ въ Вильну. Съ тѣхъ поръ угрожающая опасность тревожила всѣхъ насъ. 11-го Іюля отецъ мой получилъ письмо отъ Московскаго главнокомандующаго, графа Раstopчина, приглашав-

---

¹⁾ Т. е. Европейской. П. Б.

²⁾ Это донесеніе, какъ и предъидущія бумаги („Послѣ Берлинскаго конгресса“) сообщено въ „Русскій Архивъ“ Марією Сергіевною Татищевой. П. Б.

³⁾ Со словъ ея записаны ея сыномъ Александромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ, авторомъ превосходной книги „Семейство Разумовскихъ“. А. И. Васильчикова, рожд. Архарова, въ 1812 г. была еще дѣвцею. П. Б.

шее его прибыть въ Москву по поводу прїѣзда Государя Императора. Мы все поѣхали. Видѣли 12-го Іюля въ Успенскомъ соборѣ Государя печальнаго и смиренно молящагося; слышали о его воззваніи къ дворянству Московскому; слѣдили за всемъ, что происходило въ это время. Чувство любви къ отечеству было сильно и выражалось во многихъ: графъ Салтыковъ, князь Гагаринъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ жертвуютъ частью крестьянъ своихъ, формируютъ изъ нихъ полки, снабжаютъ ихъ всемъ и сами назначаются ихъ начальниками.

По отѣздѣ Императора все занялись исполненіемъ новыхъ своихъ обязанностей. Отецъ мой, Петръ Хрисанфовичъ Оболяниновъ *) и Степанъ Степановичъ Апраксинъ назначены членами комитета для снабженія Московской милиціи. Родные и знакомые посѣщали насъ ежедневно. Графъ Растопчинъ часто къ намъ прїѣзжалъ для того, чтобы насъ успокоивать. Онъ самъ былъ вполне увѣренъ, что Французы не возьмутъ Москвы. Всемъ извѣстны его замѣчательныя воззванія къ народу, но не все знаютъ, что они были писаны Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою. Съ каждымъ днемъ опасность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безпокойство увеличивались. Слухи объ измѣнѣ Барклай-де-Толли тревожили всехъ. Все молились, ходили пѣшкомъ въ соборы и къ чудотворнымъ иконамъ, надѣялись, что угодники Московскіе защитятъ столицу. Послѣ взятія Смоленска Смоленская Божія Матерь, какъ изгнанница, на рукахъ народа перенесена въ Москву. Какъ молились ей!

Истѣнные Французы тянулись къ Москвѣ. Привозили нашихъ раненыхъ. Ихъ встрѣчали съ благороднымъ участіемъ. Многие помѣщали ихъ въ свои дома, во всемъ помогали имъ. Москва начинала пустѣть. Предусмотрительные помѣщики нанимали барки для отправленія престарѣлыхъ и малолѣтнихъ; укладывали и увозили съ собою дорогія вещи или же зарывали ихъ въ землю. Шестьдесятъ лошадей тояло на нашемъ дворѣ. Людей наскоро вооружали для отѣзда.

26-го Августа весь городъ былъ въ смятеніи. Гулъ Бородинскихъ пушекъ былъ ясно слышенъ. Вечеромъ у насъ былъ съѣздъ; мы узнали, что два сына Алексѣя Николаевича Оленина пали отъ одного ядра, что генерала Тучкова не стало, что молодой Бибиковъ лишился руки. Я только говорю о родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Отечество оплакивало многихъ другихъ вѣрныхъ сыновъ своихъ. Многие, теряя надежду, рѣшились выѣзжать изъ Москвы. Мать моя долго не хотѣла оставлять Москву, но, убѣжденная совѣтами С. С. Апраксина, выѣхала съ нами, съ нѣкоторыми родными и со всемъ домою 30-го Августа.

*) Губерскій предводитель Московскаго дворянства.

Мнѣ было очень грустно разставаться съ моею мамушкою, 80-лѣтнею старушкою, съ которою я тутъ простилась навсегда.

Отъѣздъ жителей Московскихъ, особенно же мужчинъ, возбуждалъ сильный ропотъ въ народѣ; мы старались въ каретѣ скрывать доктора Гибальтиса и слышали многіе упреки. Говорили вокругъ кареты: „всѣ насъ покидаютъ безъ защиты“. Намъ было страшно и тяжело это слышать; каково же было несчастнымъ, не имѣвшимъ возможности спасать себя и семейства свои!..

Мы ѣхали во Владимиръ и остановились въ городѣ Покровѣ въ ожиданіи извѣстій отъ отца моего, который, будучи занятъ службою, выѣхалъ только 1-го Сентября, наканунѣ взятія Москвы. Горестно было свиданіе съ нимъ; еще горестнѣе извѣстіе о сдачѣ Москвы безъ боя. Зарево ея пожаровъ сопровождало насъ. Ничего не могло быть поразительнѣе зрѣлища этого общаго бѣгства. Вся дорога отъ Москвы до Владимира была тѣсно установлена экипажами всѣхъ родовъ. Множество семействъ, въ телѣгахъ и пѣшкомъ, спасались отъ непріятеля. Счастливы тѣ, которые могли получить пріютъ въ деревняхъ своихъ, у родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Многимъ суждено было гибнуть въ лѣсахъ отъ рукъ Французскихъ мародѣровъ. Дворовые люди толпами слѣдовали за господами: но многіе еще оставались въ Москвѣ, гдѣ претерпѣли самую горькую участь.

Все Московское общество собралось во Владимиръ, потомъ всѣ поѣхали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ мы были приняты съ радушіемъ и гостепримствомъ, какія свойственны однимъ только Русскимъ.

Скоро получено радостное извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ любезнаго отечества нашего.

(Сообщено А. А. Мвлорадовичъ, рожд. Васильчиковой).

